

КОДЫ — НА — СТЕНАХ

9 муралов — 9 историй —
1 встреча с собой

интерактивный квест-маршрут
по центру Еревана

Елена Иванова

Коды на стенах

Елена Иванова

**Коды на стенах. 9 историй,
которые меняют взгляд на себя**

«Автор»

2026

Иванова Е.

Коды на стенах. 9 историй, которые меняют взгляд на себя /
Е. Иванова — «Автор», 2026 — (Коды на стенах)

Здесь- 9 историй, в которых вы узнаете себя, рассматривая муралы Еревана. Прогулка, которая меняет взгляд на город и на жизнь. Не все маршруты остаются с вами. Но этот остаётся. Потому что он не только про город. Он про вас. Как увидеть Ереван, который не показывают туристам и неожиданно узнать в нём себя? Со мной вы будете идти по маршруту из книги по улицам Еревана, сворачивать в скрытые дворы, находить работы художников и ловить себя на странном ощущении: будто это не просто картина, а разговор с вами. Каждая остановка — это не только место, но и вопросы к вам о вашей жизни, о том, что давно откликалось внутри, но не находило слов. Пройдите маршрут за 2–3 часа. Найдите скрытые муралы, и, возможно, найдёте что-то большее. Эта книга для тех, кто ищет не просто впечатления, а смысл. #Ереван#стритарт#муралы#прогулка#путешествие#самопознание#психология#вдохновение#городские легенды#эмоции#найди себя#скрытые места#личный опыт

© Иванова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Предисловие	6
Она	8
Фестиваль	9
Мурал	11
Сильви	14
Ван	15
Возвращение	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Коды на стенах. 9 историй, которые меняют взгляд на себя

Глава

Что внутри?

9 самых интересных муралов

9 историй о масках, памяти и подлинных встречах

Загадки и подсказки для увлекательной прогулки

Готовый маршрут по центру Еревана на 2-3 часа

Атмосфера города, которую хочется почувствовать сердцем

Как пользоваться маршрутом?

Прочитайте загадку

Найдите локацию

Сверьтесь с описанием

Проживите историю и почувствуйте атмосферу места

Предисловие

Ереван — город, который раскрывается не сразу, а только тем, кто умеет останавливаться. Иногда ты просто идёшь по улице, сворачиваешь во двор, видишь мурал. И почему-то не можешь пройти мимо.

Вглядываешься в него... и ловишь себя на странном ощущении: будто это не просто изображение, а встреча с чем-то своим. С мыслью, которую давно откладывал. Или с чувством, которое не находило слов. А возможно — с частью себя, о которой почти забыл. Такие моменты невозможно объяснить, но именно они остаются с нами надолго.

Эта книга — о таких встречах. О фресках Еревана, спрятанных в его дворах или живущих на его улицах, и о потоке мыслей, которые они открывают внутри нас.

Маршрут «Коды на стенах» — это не просто прогулка по городу. Это разговор с художниками, которые рискнули высказаться на стенах. И с людьми, которые останавливаются. Возможно, с вами самими.

Каждый мурал здесь — это код. Он хранит чью-то историю, чью-то боль или радость, чей-то вопрос без ответа. И когда вы проходите мимо, и что-то внутри вас откликается, это не случайность. Это значит, что код прочитан.

Возможно, в одной из историй этой книги вы узнаете себя.

И, если вам, мои читатели, однажды захочется пройти со мной этот или другой мой авторский маршрут, описанный в книге «Романтический Ереван», увидеть интересные локации неизвестного Еревана, который редко показывают туристам, напишите мне в Telegram: @eleneivanov, и я помогу вам их найти.

Часть I

Истории, которые откликаются сердцем

Есть муралы, которые не объясняют ничего. Они просто показывают момент, и этого достаточно, чтобы понять для себя что-то новое. В этой части — три таких работы. Три истории о встречах, которые изменили художников, нарисовавших их. А заодно — о том, как город хранит чужую память на своих стенах.

1.1. Мурал в Ле-Сюке

История одной встречи. Канны, май 2003 года

ЗАГАДКА 1

НАМЁК

Ищите на оживлённой улице, недалеко от метро Еритасардакан, где кафе стоят почти вплотную друг к другу.

Между ними есть узкий проход, его легко не заметить.

Но если заглянуть внутрь, пространство вдруг меняется:

тёплые бежевые и терракотовые оттенки, как южный город у моря.

Композиция уводит взгляд вглубь — мощёная улочка, столики, свет... и в самом конце, почти в тени, — два человека.

ВОПРОС

Что делают двое в глубине картины?

Сделайте селфи, «провалившись» в перспективу.

Кого бы вы посадили рядом с собой?

Мы зашли в небольшой проход между кафе на улице Абовяна и неожиданно оказались в атмосфере небольшого европейского городка, то ли итальянского, то ли французского.

На этом неприметном с улицы мурале нарисована мощёная улица, столики у кафе, велосипед, оставленный у входа. Смотришь на него и сразу погружаешься в эту атмосферу спокойных разговоров за чашкой кофе солнечным утром.

Мне очень понравился этот образец стрит-арта, и захотелось познакомиться с художником. Это мне удалось не сразу, но, когда встреча состоялась, и он рассказал мне историю его создания, его рассказ настолько потряс меня, что мне захотелось поделиться им с вами. Позвольте мне рассказать вам, как здесь появилась эта картина на стене.

Михаилу Степанову было шестьдесят шесть лет, когда он впервые в жизни приехал во Францию.

Жаль, что не в молодости, когда это было бы естественно, с горящими глазами, с верой в то, что мир бесконечен. Но в шестьдесят шесть уже знаешь себе цену, и уже не торопишься жить, а смакуешь моменты: кофе, свет в окне, запах из кафе на улице. Вот тогда понимаешь, что некоторые вещи ждали тебя всю жизнь и дождались.

Он приехал по заказу. Хозяин небольшого ресторана в Ле-Сюке, квартале Старых Канн у подножия холма, там, где мощёные улочки помнят ещё генуэзцев, хотел расписать на глухой торцевой стене. Что-нибудь прованское, тёплое, со столиками летнего кафе.

Михаил был монументалист. В советское время расписывал дворцы культуры в Ленинграде, санатории в Крыму, фойе театров. А в перестройку перебрался в Ереван. Он любил этот город, там снял комнату под мастерскую, там работал, и время от времени брал заказы за рубежом. Он согласился, не раздумывая, потому что это были Канны.

Он снял комнату в пансионе на узкой улице Сент-Антуан. Каждое утро, ровно в восемь, садился за угловой столик в маленьком кафе «У Марселя», заказывал уп стёте и круассан, раскладывал альбом и делал наброски. По-французски он говорил хорошо, почти без акцента, хотя никогда до этого не был во Франции. Официант Пьер привык и поначалу даже считал его бельгийцем.

Французскому Михаил учился сам. Начал в семнадцать лет, переводил, учил слова упрямо, методично, со словарём и кассетами, которые доставал бог знает как. Он делал это ради Неё.

Михаил пришел к живописи не сразу. Сначала он хотел снимать кино.

Он поступил в Ленинградский институт киноинженеров, проучился там два года, и когда понял, что это не для него, перевёлся в Мухинское. Там он обнаружил, что рука умеет то, чего глаз ещё не знал. Что кисть — это тоже камера, только медленнее. И на стене можно остановить тот единственный кадр, ради которого режиссёр снимает весь фильм.

Кино он не бросил, а перерисовал на стенах. В каждой его работе была сцена, и в каждой сцене был свет, как в хорошем фильме.

А Она появилась в его жизни в пятьдесят четвёртом году, когда ему было семнадцать.

Она

В институте кино, ещё до перевода, на первом курсе крутили французские фильмы для «профессионального изучения». И он попал на показ «Серёжки мадам де...» Макса Офюльса, пятьдесят третьего года. Там Она играла светскую даму, которая продаёт серёжки и лжёт мужу, и постепенно через эту маленькую ложь теряет всё: и серёжки, и любовника, и себя. И умирает в конце, красиво, как умирают только в хорошем кино.

Михаил вышел с того показа и не смог забыть её игру. Он не просто влюбился в красивую актрису, он впервые увидел, как выглядит настоящая свобода. Женщина, которая выбирает. Пусть неправильно, пусть это убивает её в конце, но она выбирает сама.

В Советском Союзе пятьдесят четвёртого года это было почти революционным зрелищем.

И тогда он начал учить французский ради того, чтобы услышать её голос таким, какой он есть, без дубляжа, без чужого рта, без ленинградской актрисы, старательно изображающей француженку голосом.

Потом были другие фильмы. Редкие показы, полулегально, по знакомствам. Он посмотрел «Майерлинг» в шестьдесят третьем, и «Девушки из Рошфора» в шестьдесят восьмом. Плёнку смотрели ночью, в мастерской, человек двенадцать, в темноте.

Франция была закрыта. Выездных виз не давали. Во всяком случае, ему, художнику без партийных связей, у которого дед сидел, выезд при этой власти был закрыт навсегда. Он смотрел на Нёе через экран и думал: «Когда-нибудь я встречу тебя.» Без особой веры в это «когда-нибудь», просто как смотрят на горизонт.

Фестиваль

Фестиваль в Каннах 2003 года открылся 14 мая. Канны переменялись в один день. Набережная Круазетт заполнилась лимузинами, фотографами, женщинами в платьях стоимостью как квартира. Но квартал Ле-Сюке жил своей обычной жизнью. Сюда приходили за тем, чтобы отдышаться от фестивального карнавала.

Именно поэтому Она и пришла сюда.

Михаил сидел на своём обычном месте, смотрел на улицу. Когда в кафе вошла пожилая женщина в светло-бежевом жакете, широкополой шляпе цвета слоновой кости, с маленькой сумочкой на запястье, Пьер только что принёс ему второй кофе.

Она шла медленно, но с той особенной прямоотой, которая бывает от долгой привычки держаться. В тот день ей было восемьдесят пять лет, но Она выглядела как человек, которому это совершенно всё равно.

Михаил поднял глаза от альбома. Узнавание произошло мгновенно, хотя полвека изменили лицо. Поворот головы, взгляд, которым она обвела зал, они остались прежними, как в кадре из старого фильма.

Даниэль Дарррё.

Он не двигался, и смотрел на неё, не отрываясь, потеряв счёт минутам. Она присела за столик у окна, сняла шляпу, положила рядом. И посмотрела на ту же улицу, которую он рисовал уже две недели.

Михаил понял, что встать и уйти для него невозможно, потому что человек, которого ты нёс в себе почти пятьдесят лет, сидит в трёх метрах от тебя и смотрит в окно. И если ты сейчас уйдёшь, это будет малодушием такого масштаба, которого себе не простишь.

Он встал, взял со стола томик Превера «Слова», который возил с собой всегда, и подошёл.

— *Pardon, madame. Вы позволите?* — он кивнул на свободный стул.

Она подняла глаза. В них было не удивление, просто внимание.

— *Садитесь,* — сказала она просто. — *Пьер принесёт ещё кофе.*

Они просидели за этим столиком два с половиной часа.

Михаил не сказал ей сразу, что знает, кто она. Сначала говорили о Превере. Потом он рассказал ей о том, как рисует эту улицу уже две недели и никак не может поймать правильный свет между десятью и одиннадцатью утра. Она слушала внимательно, с настоящим интересом к тому, что другой человек делает руками.

Потом он рассказал ей всё. Сказал, что знает её с пятьдесят четвёртого года, смотрел «Серёжки мадам де...» в Ленинграде, в институте, в полулегальном показе, и её образ остался с ним на всю жизнь. Именно после этого он начал учить французский, чтобы слышать её голос таким, какой он есть. И как она существовала за «железным занавесом», как что-то почти невозможное: реальная и недостижимая одновременно, как сам Париж.

Она долго молчала. Где-то далеко гудел фестиваль Канн.

— *Вы учили французский ради меня,* — сказала она наконец. *Просто проговорила вслух и посмотрела на него долгим взглядом, не отрываясь, будто стараясь запомнить его лицо.*

— *Вы первый человек на этом фестивале,* — сказала она, — *который сказал мне что-то настоящее.*

Вечером того же дня был приём в «Карлтоне», на который она пригласила его. У него не было подходящего пиджака, но помог Пьер — вытащил откуда-то из подсобки старый чёрный пиджак, почти по размеру.

В бальном зале было много света, и в нём сияли молодые красивые лица. Она стояла чуть в стороне от основной группы с бокалом воды, и Михаил видел, как несколько раз мимо

неё прошли люди, не поздоровавшись. Тогда он подошёл к ней. Маленький оркестр заиграл знакомую мелодию, что-то из сороковых, немного печальное.

— *On danse?* — сказал он.

— *Я давно уже не танцевала,* — ответила она.

— *Я тоже,* — сказал он. — *Нам будет удобно друг с другом.*

Они танцевали медленно, осторожно, преодолевая боль в коленях. И Она вновь стала лёгкой, какой он увидел её ещё в «Серёжках». Никто в зале не смотрел на них, и это было, пожалуй, лучшее, что было для них в тот вечер.

Они больше не встретились. Пьер сказал, что мадам оставила записку для него, вывела несколько слов на салфетке, аккуратным почерком:

«*Merci pour la danse, pour Prévert, et pour le français appris pour de bonnes raisons. — D.*»

«*Спасибо за танец, за Превьера, и за французский, выученный по хорошей причине.*»

Михаил долго читал эти несколько слов, как будто проживал целый роман. Потом сложил салфетку и спрятал в книгу между страницами.

Мурал

Мурал он закончил через три недели. Хозяин ресторана был доволен, получив то, что хотел: прованская мощёная улочка, тепло, уют, каменные дома, горшки с цветами, велосипед у фонаря.

Если смотреть на стену беглым взглядом, кажется, это просто красивый южный переулок, каких много в Провансе. Но если задержаться, взгляд сам собой уходит в глубину композиции, туда, где улочка делает лёгкий изгиб и теряется в тени каменной арки. Там, почти на самом краю видимого, у дальнего столика под навесом сидят двое. Небольшие фигуры, почти силуэты. Просто двое, как будто художник мимоходом заметил их краем глаза и не удержался, вписал.

Вернувшись в Ереван, он нашёл стену. Узкий проход на улице Абовяна между двумя кафе, один из тех ереванских переходов, которые ведут в старый двор и которые никто особенно не замечает. И перенёс квартал Ле-Сюке на ереванскую стену.

Только одна деталь была другой. В глубине, там, где каннская улочка изгибается и уходит в тень арки, на ереванской стене у дальнего столика сидят двое. Чуть ближе, чем в каннском варианте. Ровно настолько, чтобы было видно: она смотрит на улицу, а он смотрит на неё.

Даниэль Даррьё умерла 17 октября 2017 года в своём доме в Буа-ле-Руа. Ей было сто лет.

На стене в Ле-Сюке двое по-прежнему сидят в тени арки, едва различимые. Почти никто не обращает на них внимания.

На стене на улице Абовяна — они чуть ближе.

Этого достаточно.

Остановка. Вопросы для себя

1. Есть ли в вашей жизни человек, реальный или далёкий, ради которого вы когда-нибудь научились чему-то новому или трудному? Что это было?

2. Когда вы в последний раз говорили кому-то что-то настоящее важное для него?

3. Если бы у вас был один разговор с человеком, которого вы долго несли в себе, что бы вы сказали ему прежде всего?

А теперь мы продолжим наш маршрут по улице Аветика Иссаакяна, дойдем до перекрестка с улицей Налбандяна и начнем медленно спускаться по ее правой стороне, заглядывая в проходы во внутренние ереванские дворы. И в одном из них на стене мы неожиданно увидим картину дождливого Парижа. О ней — моя следующая история.

1.2. Дождь на бульварах

Париж, 2001 год. Ветер, альбом и три улетевших эскиза

ЗАГАДКА 2

НАМЁК

Спускайтесь от бульвара, идите вниз по правой стороне улицы Налбандяна.

Смотрите не на фасады, а внутрь, и найдете картину на стене.

Цвет здесь приглушённый — серо-синий, размытый, как дождь.

Композиция построена на движении:

люди идут вглубь, растворяясь в пространстве,

но сбоку, немного в стороне от потока, есть две фигуры под зонтами.

ВОПРОС

Сколько фигур идут рядом под разными зонтами?

Поймайте их как «пару».

Кто сейчас рядом с вами, но «на расстоянии»?

Мы стоим у этой стены и вдруг попадаем в дождливый Париж. Вдали — Триумфальная арка, люди идут под дождём, это написано широко, свободно, в духе импрессионистов. Именно так и выглядят вещи, которые помнятся очень долго: картинка чуть размыта по краям, но с абсолютно точным светом в центре.

Посмотрите в левую часть этого мурала. Видите? Немного в стороне от основной толпы идут две фигуры, мужская и женская. Хоть и под разными зонтами, но становится понятно: идут рядом, в одном направлении.

Я знаю, кто это нарисовал. Его зовут Ваге. Живёт здесь, неподалёку, и его соседям известна его история о поездке в Париж. Он ей поделился с друзьями, а в Ереване каждый житель кому-нибудь друг, и история быстро разошлась по соседям. Он говорил им: «Там у меня произошла странная, почти мистическая встреча. И я до сих пор не уверен, было ли это случайно, или вмешалось Провидение».

Об этой встрече мне и рассказали. Вот его история.

Ваге первый раз поехал в Париж весной 2001 года. Ему было двадцать восемь, недавно закончил ереванское художественное училище, участвовал в нескольких выставках молодых художников, которые прошли почти незамеченными. Было у него ощущение, что он рисует правильно, но где-то есть другой, свой язык красок, которого он ещё не нашёл.

Ему повезло — выиграл стипендию культурного фонда для поездки в Париж на две недели. Условия спартанские: крошечная комната в отеле 13-го округа со скудным завтраком. Он взял с собой два альбома для эскизов, набор карандашей и почти не взял денег. Но он планировал не тратить, а смотреть.

В первый же день, даже не распаковав чемодан, он пошёл на бульвары, названия которых выучил давно. Бульвар Осман, бульвар Капуцинов, бульвар Итальянцев... Он шёл и шёл, не глядя на карту, потому что карта мешает смотреть.

И вдруг резко налетел ветер.

Настоящий парижский ветер с бульваров — это отдельное существо. Он не предупреждает, а резко выпрыгивает из-за угла, подхватывает всё, что плохо лежит, и уносит с совершенно безразличным видом.

Ваге как раз открыл альбом на новой странице, и начал набросок: Триумфальная арка в дымке, люди перед ней маленькие и тёмные, как точки. Но порывом ветра альбом вырвало из рук. Страницы с набросками полетели по бульвару. Он бросился их собирать. Люди безразлично шли мимо, огибали его, кто-то наступил на один лист, не заметив рисунка. Несколько листов улетело под машины. А он стоял посреди бульвара на коленях, собирал свои рисунки с мокрого асфальта, проклиная парижскую погоду и этот ветер, укравший часы его работы.

Потом Ваге увидел руку.

Женская рука держала три наброска, которые улетели дальше всех и которые он уже не рассчитывал найти на мокрой улице. Он поднял глаза...

Она была чуть старше него. Стояла перед ним в сером пальто, с зонтом, который ветер уже наполовину вывернул, и смотрела на листы в своей руке с тем выражением, с которым смотрят на что-то неожиданно хорошее.

Потом сказала ему что-то по-французски. Но он не понял: французского не знал совсем. Тогда он попробовал по-английски, и она тоже. Спросила медленно, с акцентом, но вполне понятно:

— *Это вы нарисовали?*

— *Да.*

— *За сегодня?*

— *За утро.*

— *Пойдёмте. Здесь рядом есть кафе.*

СИЛЬВИ

Её звали Сильви. Она преподавала историю искусств в Сорбонне и ходила по бульварам каждый день в обеденный перерыв, потому что считала, что лучшего способа думать, чем прогулка по весенним бульварам, не существует. Обычно она гуляла по бульвару Сен-Мишель, рядом с университетом. Но в тот день ей захотелось другого. Она перешла через Сену и оказалась на правом берегу, на Больших бульварах.

В тот день она шла и думала про импрессионистов, про то, как Писсарро и Моне писали именно эти бульвары в любую погоду, не дожидаясь, пока станет красиво. А потом увидела странные рисунки, которые ветер принёс к её ногам.

Она высушила его эскизы салфетками и разложила на столике. Рассматривала долго, молча, каждую деталь, как будто была на выставке. Потом сказала Ваге:

— *Вы рисуете как человек, который видит впервые. Это редкость — увидеть такие знакомые бульвары под вашим углом зрения.*

Он не знал, что ответить. И тогда сказал первое, что пришло в голову:

— *Я и правда вижу впервые. Я первый раз в Париже.*

Она внимательно и изучающе посмотрела на него.

— *Тогда вам повезло, — сказала она. — Первый раз бывает только один.*

В тот день они проговорили на ломаном английском три часа, с каждой минутой понимая друг друга все лучше, по мимике и жестам. Она даже отменила лекцию: позвонила, извинилась, но осталась с ним в кафе. А он забыл про обед.

Она говорила про импрессионистов так, как говорят про живых людей — с раздражением на их ошибки и с нежностью к их странностям. Про Писсарро, который писал бульвар Монмартр снова и снова, 14 раз, в разное время дня и года, потому что хотел поймать что-то, что постоянно ускользало от него. Про Моне, который под конец жизни почти ослеп, но продолжал писать, и, смотря на холст своим внутренним зрением художника, создал свои поздние «Кувшинки».

Ваге слушал и понимал, что нашёл в ее словах, что искал на родине. Это было разрешение писать то, что ускользает. Потом, уже за вторым кофе, когда разговор стал тише и свободнее, она спросила, откуда он приехал.

— *Я из Армении. Живу в Ереване.*

Сильви поставила чашку, помолчала, а потом сказала то, чего он не ожидал.

— *Моя семья тоже из Армении. Но не из Еревана, а из Вана.*

Ван

В 1915 году её прадед с семьёй бежал из Вана. Ван тогда был одним из главных армянских городов Западной Армении, и одним из первых, где начался геноцид. Ванские армяне держали оборону почти месяц, но, когда русские войска ушли, турки вошли в город и вырезали тех, кто не успел убежать. Семья Сильви успела. Бежали ночью, через горы, неся годовалых детей на руках. Из большой семьи до Франции тогда добрались только четверо. Сначала были в Марселе, потом перебрались в Париж. Бабушка Сильви всю жизнь говорила по-армянски дома, готовила армянскую еду и держала на полке маленькую фотографию Вана, сохраненную прадедом у сердца.

«Она не любила рассказывать», — сказала Сильви тихо. — «Я понимала, что спрашивать не надо. Но однажды она сказала мне: отец рассказывал, что семья уходила ночью. Самых младших детей было двое: я и моя сестра Анаит. Не знали, куда бежать, и кто дойдет живым. Семья разделилась у реки. Брат отца взял Анаит и пошёл другой дорогой. И мы большие никогда её не увидели, даже не знали, удалось ли им дойти».

Она замолчала. За окном шёл дождь.

— Бабушка умерла пятнадцать лет назад. Она до последнего надеялась что-нибудь узнать.

Ваге слушал и чувствовал что-то странное: будто история, которую ты слышишь впервые, почему-то кажется знакомой.

— Какая была девичья фамилия вашей бабушки? — спросил он.

— Казарян.

Он помолчал.

— У меня есть двоюродная тётя, — сказал он медленно. — Её мать, Анаит Казарян, попала в Армению из Вана.

Сильви показалось, что она ослышалась, потому что услышанное было совершенно невероятным.

Они достали бумагу и начали восстанавливать по памяти имена, даты, города. Промежуток почти в столетие, который невозможно перепрыгнуть одним разговором, но можно начать перебрасывать через него ниточки. Через час у них было несколько совпадающих имён и один общий факт — река, у которой в 1915 году разделилась семья Казарян.

Конечно, это могло быть случайностью. Но Париж — это город, в котором живет чудо, и это знают все, потому так стремятся его увидеть.

В конце Сильви сказала: «Я понимаю, что это почти невозможно, столько лет прошло. Но если вдруг... Если вы когда-нибудь что-то узнаете».

Голос у неё был ровный. Но руки, когда она передавала Ваге свой адрес на листке, вырванном из ее потрепанной записной книжки, чуть дрожали. Ваге бережно взял записку, сложил вчетверо и убрал во внутренний карман, туда, где не потеряется.

«Я поищу», — ответил он просто.

На улице дождь еще не прекратился. Бульвар за окном кафе блестел, люди шли с зонтами, начали зажигаться вечерние фонари. Ваге открыл новый альбом и начал рисовать по памяти: бульвар в окне, дождь, силуэты. Триумфальная арка в глубине едва проступает сквозь серость дня.

Сильви смотрела, как уверенно бегают его карандаш по альбомному листку. Закончив, он положил рисунок перед ней. Она долго всматривалась в него, а потом аккуратно сложила лист и убрала в свою сумку.

Выйдя на бульвар, они вдруг обнялись, так, по-парижски, когда расстаются давно знакомые люди. Потом разошлись: она пошла налево, он направо. Но вдруг обернулись одновременно и засмеялись — без причины, просто так.

Потом в Париже Ваге исходил все бульвары, все набережные, рисуя каждый день, в любую погоду. Он нашёл свой язык, как находят дорогу в незнакомом городе: сначала по ориентирам, а потом по ощущению.

Возвращение

Ваге вернулся в Ереван в конце апреля, когда уже цвели абрикосы и сирень. И первое, что он сделал — позвонил тётё. Долго объяснял ей про странную встречу в Париже на бульварах, про женщину в сером пальто. Тётя выслушала молча, подумала, вспоминая, и наконец сказала:

— *Бабушка Анаит иногда вспоминала: была у неё младшая сестра, но когда семья спасалась от геноцида в 1915-м году, она потерялась. Мы не знали, что с ней стало.*

Что было дальше — это уже другая история. Длинная и сложная, с письмами и поисками, с людьми, которые помнили, и которых помнили их дети. Две половинки одного дерева, которое в 1915 году бурей разломило пополам, начали срастаться обратно благодаря случайной встрече на бульваре и резкому порыву ветра, соединившему двоих.

Мурал Ваге нарисовал не сразу. Он полгода хранил в памяти тот последний рисунок, подаренный Сильви. А затем за один день перенёс его на стену ереванского дома.

Вот в чём секрет настоящего стрит-арта. Художник рисует одно воспоминание, а попадает в десятки чужих. Он выплёскивает на стену свой Париж, и вдруг оказывается, что у каждого прохожего есть своя личная история, которая затрагивает что-то глубоко в душе. Глядя на эту композицию, я понимаю: такие стены не только украшают улицы. Они хранят то, что мы сами уже почти забыли, но вдруг вспоминаем, проходя мимо. И улыбаемся себе.

Остановка. Вопросы для себя

1. *Есть ли в вашей жизни история, которая оборвалась, прервалась связь с человеком? Что вы чувствуете, когда думаете о нем сейчас?*
2. *Случалось ли вам получить от незнакомца что-то важное — взгляд, слово, жест? Что это было?*
3. *Какое воспоминание вы хотели бы нарисовать на стене своего города, чтобы не носить его в себе одному?*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.